

Вот ужасный, вызывающий дрожь случай про красную пиявку, а вот страшная смерть и трагедия в *****, и тогда же был выслежен Убийца на Бульварах.

*Артур Конан Дойл
«Пенсне в золотой оправе»*

Глава 1

СОЗВЕЗДИЕ СКОРПИОНА

Июль. Московская область

Из тех, кто явился этой ночью на кладбище, никто не обратил внимания на звезды над головой. Небо ясное и безоблачное, звезды яркие — стылые, равнодушные, ослепительные в своем космическом высокомерии. Такая яркость наблюдается только зимой, в сильные морозы, но на дворе стоял жаркий июль. Пожалуй, самый жаркий в Подмосковье за последние двадцать лет.

А луна...

Ее как будто не было вовсе, луна словно потерялась, заблудилась во мраке. А может, затаилась где-то там, в черной пучине, камнем канула на дно вселенной, чтобы никогда уже больше не всплыть, не водрузить свой мерцающий щит на ночные ворота, что были когда-то заперты крепко-накрепко на тысячи замков и запоров — не здесь, не нами, не в этом жарком июле, растекшемся по земле, как расплавленный свинец.

А луна...

Нет, ее просто затмили желтые фары остановившихся у ограды кладбища машин. Джипы и «Лендроверы», «БМВ», пара черных «Мерседесов»

и погребальный катафалк с бронированными стеклами.

Звезды... там, высоко...

Опрокинутый ковш Большой Медведицы...

Скорпион, поднявший ядовитое жало...

Все, кто явился этой ночью на кладбище на Великую мессу, приехали в масках. Странное и нелепое зрелище — вот они выстроились у кладбищенской стены. Багровые огоньки сигарет, аромат дорогого парфюма, запах алкоголя и пота. И маски на лицах — у кого-то роскошная, с венецианского карнавала, а у кого-то просто шерстяная «бандитка» с прорезями для глаз, натянутая до самого подбородка.

И только один был без маски. Дверь бронированного катафалка открылась, и они увидели его. Он вышел.

— Ну?

Голос тихий. И в ответ ни звука, а ведь этой ночью сюда, на кладбище, явилось немало людей, причем некоторые из них уже накачались под завязку, потому что сбор происходил в ночном клубе в Москве в Чертольском переулке. А уж если завалялись ночью в клуб, то как уж тут не дернуть, и тем не менее...

Было очень тихо у кладбищенской стены, когда он произнес это свое «Ну» — то ли приветствие, то ли вопрос, то ли приказ, понукание оробевшему стаду.

— Калитка закрыта...

— Не через главные же ворота идти... Могут увидеть, пойдут разговоры...

— И так уж, наверное, черт-те что болтают...

Он прошел сквозь них к стене, к железной ка-

литке. Взялся за ручку и потянул на себя. Калитка открылась.

— Берите все там, в машине.

Несколько человек направились к катафалку. Фары погасили, включили карманные фонари. Желтые круги заплясали по бортам машин, по кирпичной стене, по темным окнам катафалка. Понеслась какая-то возня, потом сопение, хрюканье...

— Осторожно! Ноги-то у нее связаны?

— Ну и вонь!

Раздался душераздирающий визг.

— Тихо вы!

— Ничего, сторож предупрежден, ему заплачено, грузите быстрее на тележку, туда на машинах не проедем... Тяжеленная тварь...

Свинья, ноги которой были крепко связаны, дергалась, пытаясь вырваться, когда ее вытащили из катафалка и погрузили на тележку, предназначенную для перевозки гробов. Свинья сопела и хрюкала.

Он подошел к ней и пощекотал за ушами. Он был высокий и стройный, одетый в черное, один из всех он не надел в эту ночь маску.

— Пора.

Странная процессия двинулась за тележкой. Через калитку они все вошли на территорию кладбища.

А свинья...

Она, кажется, смирилась со своей судьбой. После того как человек без маски пощекотал ее за ушами, почесал ее горло, которое вот-вот должен был рассечь нож, она, жертва этой ночи, смирилась, затихла.

— Скорпион...

Человек без маски, следовавший первым в этой странной процессии за свиньей, обернулся. Кто-то позвал его из темноты.

— Ну?

Кто-то позвал — кто-то из этих, плетущихся следом, явившихся на кладбище на джипах и «Мерседесах» после сбора в ночном клубе в Чертольском переулке.

— Ну?

Нет ответа, нет вопроса, только шаги, гравий шуршит...

В темноте среди деревьев, среди оград не видно ни зги. Свет фонарей вырубал мало, но они знали, куда идти.

— Теперь направо, в самый конец... Туда тележка не пройдет, придется так тащить, на руках... Вот черт... Там все готово? Кто-нибудь, да пойдите же вперед, гляньте — яма готова? Яма должна быть уже вырыта, так ведь со сторожем договаривались...

— Сюда, за памятник... Давай, давай, давай... еще, еще, еще...

Все словно обернулось веселой игрой. И все перевели дух, у всех отлегло от сердца. И правда, разве это не забавное приключение — ночь, кладбище после клуба под названием «Яма», где все собрались и узнали, что на этот раз Великая темная месса будет проведена вот здесь... Прежде, когда собирались в заброшенных туннелях столичного метро, тоже было стремно, но диггеры стали досаждать, а потом и милиция. А собрались как-то в одном доме на Рублевке, так потом просто плевались — никакого драйва особого, все нажрались, накололись, нанюхались...

А здесь, на кладбище, где уже подготовлена жертвенная яма...

Когда она наполнится свиной кровью, то...

Вообще, кто знает, может, это действительно все не просто так...

Одно дело нервы пощекотать себе и другим, развлечься, и...

Свинья, словно почуяв что-то, испустила пронзительный визг. И это было так неожиданно, так страшно, что те, кто волокли ее через надгробия в глубь кладбища к подготовленной яме, уронили тушу на землю.

Человек без маски пнул свинью ногой в бок. Достал нож.

— Ближе давайте, на самый край! Ну!

Он приказывал, а они повиновались ему. Отчего так было здесь, на кладбище? Они и сами не могли сказать.

Вообще, кто знает, а может, все это действительно не просто так...

Великая темная месса в летнее полнолуние, когда — вот странность — полной луны нет на небе. Только звезды, одни лишь звезды.

Перевернутый ковш Большой Медведицы, нет, как написано в древней Книге мертвых — созвездие Скорпиона.

Когда яма наполнится кровью, можно загадывать любые желания, и ТОТ, кто явится в ночи этой крови отведать, исполнит их все до единого.

Сказки? Вы скажете, все это сказки, бред? Конечно, но...

А вдруг?

Когда вонючая свинья с черной отметиной на боку (сколько же искали именно такую, точно такую, сколько фермерских хозяйств, сколько свиноводческих комплексов объездили!) истечет кро-

вью на краю ямы, можно загадывать любые желания.

Доходный бизнес...

Рост активов...

Увеличение продаж...

В федеральном резерве места освободились...

Может, папаша скоро коньки откинет, а там такое наследство...

Удвоение капитала... утроение... меньше чем за год...

Жена, с которой прожили десять лет, сейчас на Сейшелах... Несчастный случай, авиакатастрофа, и все. И не надо делить совместно нажитое имущество... А той, другой, ей всего девятнадцать...

Когда яма наполнится кровью, явится *тот*, кто крови напьется и исполнит, исполнит, подарит новую жизнь... надежду... тот самый драйв...

Бред? Можете не верить, все равно, но попробовать-то, принять участие в такой вот «кладбищенской акции» можно?

— Я сказал, ближе, на самый край! — Человек без маски, которого звали Скорпион, наступил на свиную тушу ногой, прижимая жертву к земле.

Наклонился и вонзил нож.

В темноте не было видно ни зги. Только контуры, только густые тени. Деревья, деревья, корявые стволы, ржавые ограды, кресты, кресты.

Яма зияла, как провал. Свинья с перерезанным горлом хрипела, дергала связанными ногами, словно пыталась убежать от своих мучителей. Кровь хлынула ручьем, впитываясь в глину.

Человек без маски встал на колени возле свиной туши. Они не видели его лица, лишь спину. Он крепко сцепил руки, поднял их над головой, будто призывая что-то из темноты.

Сколько времени прошло? Пять, десять минут? Странно, но никто из приехавших сюда не решился нарушить эту странную мертвую тишину. Что-то сказать, что-то спросить.

Когда же яма наполнится кровью... Сколько свиней надо зарезать... Сколько жертв нужно принести, чтобы *тот, кто придет*, был вынужден подчиниться... исполнить ваши желания.

Глина осыпалась...

Нет, не в яме, над которой они все сгрудились в молчаливом ожидании. Где-то позади них. Глина осыпалась — не просто горсть земли, съехал целый пласт. А потом тишину, ставшую уже невыносимой для слуха, разорвал треск и грохот — словно где-то что-то упало и гулко ударило о грунт.

Разом вспыхнули карманные фонари. Желтые пятна метались по стволам деревьев, по крестам и надгробиям, шаря, шаря, судорожно ища. Что это был за звук, которые они слышали все?

— Смотрите! Вон там!

Человек без маски обернулся, они все обернулись. Свет фонарей уперся сначала в ствол старой липы в десяти шагах от вырытой ямы, но дерево было целым. А вот могила, что рядом...

Высокий крест из черного мрамора, укрепленный на мраморной плите, надломился у самого основания и рухнул набок. Плита, покрывавшая могилу, треснула пополам, грунт просел вниз и продолжал оседать, образуя в кладбищенской земле провал, который все увеличивался, увеличивался...

О треснувшую плиту разбился брошенный карманный фонарь — у кого-то сдали нервы.

Больше половины из тех, кто приехал этой июльской ночью на Великую темную мессу, сразу

ринулись прочь — назад к калитке, к машинам, почти бегом, толкаясь и не оглядываясь.

Издыхшая свинья, обрушив край ямы, сползла вниз, хороня под собой лужу свежей жертвенной крови, скопившейся на дне.

Глава 2

СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В КАТАКОМБАХ

Семь дней спустя. Рим

— Да наплевать им тут всем на нас, что вы, не видите, что ли? А вы знаете, что мне координатор Миланского дома по телефону ответил? «Это ваши проблемы. Но учтите, что все убытки за простой — за ваш счет!» Поняли, нет? Наплевать им на нас — подумаешь, русские из Москвы... Что они вообще знают о нас, о нашей работе? Ничего. И даже не интересуются. Москва — это там, где все в шапках-ушанках и валенках, где сугробы до второго этажа круглый год? Какая там, к черту, мода, какие журналы? Это ж варвары, в натуре! Ну, может, и не в прямом смысле варвары, но... Так, что-то ниже среднего в профессиональном смысле, никакого интереса. Мы вот с вами, например, интересуемся болгарской модой или венгерской? Да плевать нам, как они там одеты! Живут где-то на отшибе, так и этим миланским придуркам на нас плевать. Ты вот, Кристина, ну что толку, что ты таскаешься на все эти Недели моды в Париж, в Милан... Я ж видел, какое там отношение к тебе и вообще... Сунулась было с интервью к Донателле Версаче... Что ты там

ей лепетала? А она взглянула на тебя, как на пустое место, и отвернулась... Мы-то все пыжимся, из кожи лезем — великая, могучая... русская широта, размах, баблом сорим, пресмыкаемся перед ними. А вот когда у нас трудности и когда надо реально помочь, где они, все эти наши европейские друзья? «Все убытки за простой — за ваш счет!» — вот что они отвечают! Мать их!

У фотографа Хиляя был очередной приступ истерики. Кристина Величко — директор отдела моды глянцевого журнала и автор популярного блога *street-fashion* — пошарила в сумке: есть ли успокоительное, чтобы его заткнуть хоть на десять минут? Двух таблеток обычно достаточно. Хиляй — стержень всей их творческой группы, прилетевшей в Рим на три дня для срочной фотосессии. Фотокамерой своей он творит чудеса, модели у него на снимках выходят просто превосходно, но, как все тонкие натуры, Хиляй нервный и впечатлительный, и, когда что-то в работе срывается, он становится совершенно неуправляемым.

Они сидели в баре римского отеля «Эксельсиор». С веранды обычно открывался великолепный вид на Виа Венетто — знаменитую римскую улицу, но, увы, не этим утром.

Кристина так и не нашла успокоительных пилюль в сумке для фотографа Хиляя, вздохнула свою атласную челку и заказала у бармена еще мартини. Да уж, так не повезти с фотосессией в Риме, от успеха которой в буквальном смысле зависит выход очередного номера журнала, могло лишь каким-то недоучкам, форменным лузерам, но им... но ей, проработавшей в модном бизнесе столько лет!

Проживание их творческой группы в пятизвездочном отеле «Эксельсиор» на Виа Венетто, как и

все прочие расходы, оплачивал журнал. Трансфер, транспорт, питание, услуги переводчика, гонорар известнейшей итальянской топ-модели Джеммы — все это влетало в огромную сумму, прибавьте сюда расходы на охрану ювелирных украшений Миланского дома, специально арендованных для съемки. Фотосессию модели в одежде и украшениях планировалось проводить на фоне Колизея и живописных видов Яникульского холма, где находилась смотровая площадка. Но все эти планы полетели к черту, и это стало ясно, едва лишь они все, вся творческая группа, вышли из здания римского аэропорта.

— Что это? — спросила потрясенная Кристина у встречавшего их переводчика.

— Пыльная буря, синьора, чертова пыльная буря. — Переводчик достал из кармана пачку защитных марлевых масок. — Предупреждали по радио и телевидению, пыльная буря с берегов Африки, где вот уже несколько дней бушует ураган в пустыне, через море добралась и до нас и со вчерашнего вечера накрыла город. Трудно дышать, везде песок. Город чуть ли не на чрезвычайном положении, видимость на дороге практически нулевая. И это не кончится до тех пор, пока ветер с моря не переменится.

Рим... Они так и не увидели города ни по дороге из аэропорта в отель, ни позже. Душное сухое облако, полное мельчайшей пылевой взвеси — мутные городские огни, так было ночью. А утром следующего дня стало еще хуже. Практически невозможно было покинуть отель, где воздух очищали мощные кондиционеры.

На закате дня Кристина стала свидетельницей фантастического зрелища: сквозь багровую пелену

за окном отеля на миг стало видно солнце — какого-то совершенно небывалого гнойного цвета. А на фоне его тысячи черных точек. Это птицы собирались в огромные стаи, вспугнутые пыльной бурей.

Исчез, пропал Вечный город, словно и не существовал никогда... Кристина, куря сигарету, вспоминала роман Булгакова, там, правда, речь шла о другом городе, тоже накрытом ураганом, грозой... Но гроза — это лучше, чем песок. Как в условиях экологической катастрофы проводить фотосъемку? И что вообще можно в такой ситуации предпринять, чтобы спасти положение, не сорвать выход журнала и оптимизировать расходы?

Стали срочно звонить в Милан итальянскому координатору и в ювелирную фирму и получили ответ: это ваши проблемы, но все убытки — учтите, а это колоссальные убытки, — за ваш, русский счет.

Вот черт! Гадство, гадство!

Если фотосессия сорвется, ее уволят. Ну, конечно, именно на ней и отыграются в журнале. Фотографу Хиляю ничего не будет — он незаменим, он талант, к тому же он гей, а их стараются не трогать, а то тут же схлопочешь обвинение в гомофобии и волчий билет в мире моды. Модели Джемме тоже нечего бояться. Ну не снимется, так ей еще и неустойку заплатят. А ее, Кристину, шефа съемочной группы и директора отдела моды, вытурят взащей. Если она сию же минуту что-то не предпримет, чтобы фотосессия все же состоялась. Может, пыльная буря утихнет?

Кристина позвонила переводчику и спросила, какой прогноз. «Никаких изменений, пока не переменится ветер. А в это время года южные ветры дуют по несколько дней».

Значит, надо возвращаться в Москву и...

А что в Москве? Выволочка от руководства и увольнение? Крах всей с таким трудом выстроенной карьеры? Потеря хорошей зарплаты? А что делать с невыплаченным кредитом за машину? И вообще, кто с ней, если ее уволят с позором за профнепригодность и неумение организовать работу, будет разговаривать в Москве? Ее перестанут приглашать туда, где она привыкла бывать, выведут из «своего круга» и...

Нет, только не это! Надо срочно что-то придумать. Где можно провести нормальную съемку? Куда не проникает эта чертова пыль?

В бар плавной походкой вошла топ-модель Джемма. В джинсах, в белой майке, в золотых «вьетнамках» от Прада. Заказала ром-колу. Она говорила по-английски, так как большую часть жизни провела в Лондоне.

— А что, если сделать съемку в метро? — предложила Кристина. Ее мозг лихорадочно работал, искал выход. Но на лице это не отражалось — безмятежная улыбка, легкий загар, шоколадная атласная челка.

— Старо, было. Александр Маккуин за собой застолбил сто лет назад уже, целый показ делал в метро на станции, — фотограф Хиляй соорудил презрительную гримасу. — Вот все в блогах спорят, с чего-то он вдруг повесился накануне Недели моды. А я его сейчас ох как понимаю. Попадешь в такую вот жопу, ничего не останется, как в петлю, — Хиляй покосился на Кристину. — Можно было бы в Ватикане снять... Но в музеях надо загодя разрешение на ночную съемку запрашивать... А там ведь пыли нет, кондишены на полную мощность небось включены во всех залах.

— В катакомбах пыли нет, — тоненьким голо-

ском по-английски изрекла модель Джемма, прихлебывая ром-колу. — Там глубоко под землей, туда песок не проникнет.

— В катакомбах? — переспросила Кристина и тут же схватилась за телефон: — Эй, кто там в номере? Оксанка, ты, что ли? Там, на столике, путеводители по Риму, тащи сюда в бар! Быстро, я сказала, тащи все, мы ждем!

За окном отчаянно сигналила автомобильными гудками и чертыхалась роскошная Виа Венетто — таких адских пробок Вечный город не видел никогда.

Казалось, что все кругом погрузилось на илистое дно взбаламученного пруда, только вот воды не было ни капли — лишь песок, сухой и горячий, принесенный ураганом из далекой Сахары.

Абсолютно нечем дышать.

Марлевые маски не спасают.

— Вы только гляньте на улицу — все макароники в намордниках чешут! — Фотограф Хиляй уже издевался.

...Как только разрешение на съемку в римских катакомбах было получено, настроение Хиляя разом улучшилось. Он копался в машине, проверял аппаратуру, стилист и гримерша волокли чемоданы с реквизитом. Бронированный автомобиль с украшениями ювелирной фирмы, которые должны были фигурировать на фотосессии, помчался по дороге, ведущей к подземному музею.

Короче говоря, все завертелось, и Кристина Величко могла бы вроде и дух перевести, но нечем, нечем было дышать этим вечером (а за хлопотами, переговорами, звонками по телефону уже наступил вечер) в Риме.

И солнце, когда они мчались по автобану в

пыльном мареве, снова выглядело не земным, а каким-то марсианским светилом. И птицы опять собирались в огромные стаи и кружили на фоне багрового диска.

— Не по себе как-то, — поежилась модель Джемма, — а вам, синьора?

Кристина спросила ее — не из Рима ли та сама родом, оказалось, нет, из Неаполя, но она уехала оттуда в детстве с родителями.

— Я вообще-то плохо представляю, что это такое — эти ваши катакомбы, — призналась Кристина.

Но представлять было некогда, их ждала работа. Переводчик, который их сопровождал, едва лишь они остановились — где, в каком месте (по-прежнему ничего не было видно толком), — сразу куда-то побежал и вернулся уже с каким-то парнем в униформе, оказавшимся смотрителем музея.

— Он говорит, что катакомбы для посещения туристов через полчаса закрываются, но для вас, так как есть разрешение на съемку, сделано исключение. Выберите место, отснимите, потом он вас выпустит наверх.

Кристина подняла глаза — кирпичная кладка, двери с крепкой железной решеткой. Рядом еще двери — ага, там у них касса по продаже билетов. А это что такое? Гробница... похоже на башню с зубцами... Даже в этой мгле видно, какое это древнее сооружение. И рядом пиния растет — желтый ствол, хвойная крона, пыль...

Кашляя, держась за марлевые маски, они всей съемочной группой ввалились внутрь.

Тишина и прохлада. Кристина сдернула «намордник», вытерла мокрое от пота лицо. И увидела двух дюжих парней в черных костюмах, державших

в руках небольшие аккуратные кейсы. А вот и охранники Ювелирного дома со своими сокровищами.

— Чао... ой, сорри, бон джорно, синьоры! — Кристина была готова расцеловать этих мафиози.

Ну вот, все вроде о'кей! И работа стартовала, и фотограф Хиляй в отличном настроении, что-то там мурлычет себе под нос, и драгоценности доставлены и... и вообще...

Как же тут хорошо дышится!

Под землей!

Пока они готовили аппаратуру, костюмы и рекевизит в холле музея, переводчик коротко объяснил им, что вот сейчас они спустятся в катакомбы Дометиллы, самые большие и самые интересные, расположенные непосредственно под городом, где в первые века христианства проходили богослужения, где хоронили первых христианских мучеников, растерзанных львами на арене Колизея.

Кристина и фотограф Хиляй вместе с переводчиком и сотрудником музея отправились по длинному туннелю вниз искать место для съемки.

Стены из светлого песчаника...

Ниши в стенах, как полки...

И вдруг стены туннеля расходятся, и открывается небольшой квадратный зал, вырубленный в породе, а от него в разные стороны вглубь ведут новые туннели.

Фотограф Хиляй придирчиво осматривал свет — лампочки наверху и подсветка внизу.

— Темновато, конечно, мрачновато, зато свежо, ново. И каков контраст! Тут еще никто не снимал до нас. А электричество надежно? Что, если погаснет?

— Если погаснет, отсюда не выйти, дороги не найти без свечей, без фонаря, — лениво ответил че-

рез переводчика сотрудник музея, отправляя в рот ментоловую жвачку. — Не волнуйтесь, синьоры, такого еще никогда не было. И потом там, на входе, у нас резервный генератор.

— Ну что? — спросила Кристина фотографа. Несмотря на весь свой первоначальный кураж, она слегка растерялась в этих самых катакомбах.

Это же коллективная могила... вон, в туннеле, черепа на каменных полках, как футбольные мячи, сложены... А вон там берцовые кости... Там, подалее, груда ребер, и все кучей навалено.

— Вот здесь сделаю первые десять кадров, — фотограф Хиляй остановился в небольшом сводчатом зале, украшенном фреской. Амур и Психея... Прозрачные крылья за спиной, как у стрекоз, и выражение лиц такое безмятежное...

Кристина вопросительно глянула на переводчика.

— В первые века христианства такие фрески довольно часты, — пояснил тот. — Это уже не языческие божества, а христианские символы — примирения, полноты и радости пребывания в вечности. А вон тот коридор ведет к могиле Амплия, это самое известное здешнее захоронение. Раб, мученик, пострадавший за веру, упомянутый апостолом Павлом в его Послании к Римлянам. Возле могилы Амплия всегда много паломников собирается со всего света, он общехристианский святой, и, по преданию, молясь ему, человек обретает душевный покой, отпущение тяжких грехов и защиту.

— Защиту от чего? — рассеянно спросил фотограф Хиляй, уже примериваясь, откуда лучше снимать, как поставить модель.

— Ну, мало ли... От зла, от всякой опасности... от мести...

Место было выбрано, и съемочная группа засуетилась. Расставили свет, развесили костюмы, модель Джемма села гримироваться.

— Первые кадры: жакет, юбка, босоножки из кожи — все Dior, бельевого стиль, — командовала художник по костюмам. — Украшения — бриллиантовые серьги и браслет.

Кристина наблюдала, как модель Джемма, не стесняясь охранников, отпиравших кейсы с «ювелиркой», разоблачалась, а потом снова одевалась.

— Крутая юбчонка, — хмыкнул фотограф Хилляй. — Бельевого стиль? Это так и задумано — без трусов, прозрачная юбка — так и будет носиться?

— Не болтай, делай свою работу. — Кристина достала пачку сигарет.

Юбчонка и правда того-с, смела, оригинальна, вся задница Джеммы наружу, правда, задница у нее что надо. Вон как охранники напряглись сразу. Да, бельевого стиль, и это модно, господа... Но для журнала все же снимать будем только задний план.

— Вторая серия кадров: корсет, пояс и чулки — все Agent Provocateur, — командовал стилист. — Прическа, украшения — бриллиантовое кольцо, серьги.

Кристина полюбовалась на кольцо, извлеченное охранниками из сафьяновой коробки. Сколько же это может стоить? С ума сойти... И все это здесь, под землей... А вдруг свет и правда погаснет? Схватить футляр и рвануть вон в тот боковой коридор... И потом всю жизнь можно не работать, продавая камень за камнем... Ох, что за мысли...

Модель поставили на фоне фрески, отрегулировали свет, и Хилляй вдохновенно защелкал затвором.

Теперь ему лучше не мешать. Кристина, оставив

своих сотрудников, решила найти место, где можно тихонько выкурить сигаретку, чтобы этот музейщик хай не поднял.

Вот он, этот боковой коридор, а там могила какого-то раба-мученика... Ну, мир его праху. А интересно было бы посмотреть, как там, на арене Колизея, львы выпускали ему кишки. Кровищи, наверное, было... И эти древние римляне на это смотрели с трибун, как мы смотрим футбол. Надо же, как вкусы разнятся. А поэтому кому-то может понравиться и этот провокационный бельевой стиль — долой трусы, да здравствует юбка из прозрачной тафты от Dior!

В конце коридора в тусклом свете верхних фонарей Кристина увидела глубокую нишу со стоявшим в ней то ли надгробием, то ли просто обломком античной колонны. Возле ниши распростерлась ниц фигура. Что-то бесформенное, темное...

Что, может, кому-то тут, в катакомбах, плохо стало? Кристина подошла поближе и увидела монахиню в черном. Но не католичку, нет, это была православная монахиня — что-что, а в костюмах Кристина разбиралась досконально.

Монахиня лежала на полу скорчившись, прижавшись лицом к каменному полу. А потом вдруг резко, быстро поднялась на колени и оглянулась.

— Ой, сорри, сорри, простите меня, — Кристина попятилась.

Ну вот, покурить тут не удастся, человек молится... Какое лицо у этой женщины — словно гипсовая маска... Может, это контраст такой на фоне черного ее балахона? Прямо воплощение застывшего ужаса...

Заговорить с монахиней Кристина не решилась,

повернула назад и двинулась к залу Амура и Психеи.

Она прошла не больше пяти метров, как вдруг услышала за стеной с нишами чьи-то быстрые шаги. Там, наверное, еще один коридор. Как она его пропустила? Может, это кто-то из команды ищет ее?

— Эй, я здесь! Оксан, это ты?

Шаги замерли.

— Эй, Хиляй, это ты, что ли? Напугать меня хочешь? Что, уже перекур?

Нет ответа, лишь чье-то дыхание...

Кристина оглянулась — она была в самом центре узкого коридора.

— Эй, синьор...

Она ощутила, как по спине ее пополз холодок. А ведь они тут, в этих катакомбах, глубоко под землей. Горстка людей... И случись что...

Шаги послышались снова. Дальше, дальше... Кто-то уходит... Ну и хорошо, пусть... Кто-то, не ответивший на ее оклик. Чужой, пусть он уходит прочь, потому что она, Кристина, нет, не трусит, но все-таки здесь, в этих чертовых туннелях, полных древних костей, в этой огромной могиле, где кругом мертвецы...

И в это мгновение погас свет. *И все стало тьмой.*

А потом раздался вопль — безумный и страшный, словно у кого-то заживо вырвали сердце.

Кристина влипла в стену. Никогда... никогда прежде она не испытывала такого ужаса. Не видя ничего, не понимая, забыв, кто она такая и где находится, она бросилась прочь, вытянув вперед руки. Споткнулась обо что-то, упала, вскочила на ноги и помчалась снова. Туннель... этот жуткий туннель... она в катакомбах под землей, и без света

отсюда не выбраться. А там, за спиной, кого-то убивают, приканчивают, а потом убьют и ее.

Почти инстинктивно она поняла, что туннель кончился и она очутилась в каком-то более просторном помещении.

Свет вспыхнул, и она увидела зал Амура и Психеи и своих коллег — застывших, как и она, перепуганных насмерть. Они тоже слышали крики — там, в глубине катакомб.

— Вот черт, что это было? Ты откуда? Я подумал, это ты вопишь, Кристин, — фотограф Хиляй хорохорился, но губы его тряслись. — Этот хмырь музейный уверял, что со светом тут все в порядке, генератор запасной... А где наша охрана, то есть не наша, а брюликов?

— Кристина, это не вы кричали? — спросила по-английски модель Джемма.

Кристина не успела ответить. С той стороны, откуда она примчалась, теперь доносились громкие тревожные голоса. Потом в туннеле появились сразу несколько мужчин — смотритель музея, двое рабочих-электриков и охранники. Один по-прежнему не расставался с кейсами с драгоценностями, а вот второй помогал рабочим тащить женщину в черной монашеской одежде.

— Что случилось? Кто это? — спросил встревоженный переводчик.

В ответ все загалдели наперебой.

— Что они говорят? Кто эта женщина? — Кристина чувствовала, что страх не покидает ее. Не смотря на то, что под потолком опять горели тусклые лампы, в этих чертовых катакомбах... нет, какая же она была дура, что согласилась спуститься сюда, в эту древнюю могилу!

— Они говорят, что на нее кто-то напал — там, у

гробницы святого Амплия. Это монахиня... русская монахиня Галина, смотритель музея хорошо знает ее, она паломница, вот уже несколько дней подряд она приходит сюда с подворья русской православной церкви, что на Виа Альбарди. Молится подолгу... Только что кто-то напал на нее... Святой Януарий, вы посмотрите на ее лицо...

— Кто напал?! — Кристина еле сдерживалась. — Они видели кого-нибудь?

— Охранник говорит, что видел перед тем, как погас свет... Он не знает, кто это был, на что это похоже. Он говорит, что туристов после закрытия тут никого не осталось, он специально проверял, делал обход... Может, кто-то спрятался... Русскую монахиню пытались задушить, охранник видел, как кто-то держал ее за горло, а когда он закричал — тот метнулся в дальний туннель. У смотрителя только карманный фонарь, он не видел кто... что это было, побоялся преследовать, а потом свет зажегся, и прибежали электрики и наши секьюрити...

Монахиню Галину осторожно положили на пол. Охранник нагнулся к ней, расстегнул ворот ее черного, испачканного пылью балахона. Женщина захрипела, затем застонала.

Кристина не могла оторвать взгляда от ее лица — синюшного от удушья, на щеках и на лбу виднелись глубокие царапины. Охранник быстро оголил ее шею — на коже четко проступали багровые пятна. Огромный синяк под подбородком.

— Он говорит — мертвая хватка, — переводчик обернулся. — Он просит воды, у кого-нибудь есть вода?

Фотограф Хилэй передал бутылку с минеральной водой. Охранник смочил монахине губы, по-

брызгал на лицо. Женщина открыла глаза. И неожиданно рванулась, пытаясь подняться.

— Спокойно, спокойно, синьора, все хорошо. Она русская, скажите же ей, что все в порядке, по-русски.

— Вы в безопасности, не бойтесь, — сказала Кристина. — Кто на вас напал? Вы видели, кто это был?

Услышав русскую речь, монахиня снова дернулась. Лицо ее исказила судорога.

Кристина почувствовала, что еще минута, и она не выдержит здесь, под землей, в катакомбах. Эта несчастная... И они — жалкая горстка людей, сгрудившихся под фреской... А если снова, не дай бог, погаснет свет...

Те шаги в туннеле... она слышала их, одна из всех она слышала их... Тот, кто вцепился в горло монахини мертвой хваткой, прошел совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, от нее, от Кристины... Там, в этом склепе, полном черепов и берцовых костей.

Глава 3

ДОМАШНИЕ РАДОСТИ

Бурый плюшевый мишка умильно тарашился, сидя на крышке старенького пианино. На шкафу дежурил целый выводок кукол — тех самых, еще с «раньшего времени», облаченных в костюмы народов СССР — кукла-украинка, кукла-узбечка, пупс-молдаванин в крохотной бараньей папаше.

Комната светлая, с высоченным потолком и эркером, занятым диваном, покрытым ковром. В оные времена места было бы вдоволь, но не сей-

час, потому что в середине комнаты воцарился огромный круглый стол. А на столе чего только нет, ой, мамочка моя родная, — сколько же всего приготовлено и выставлено в качестве угощения: и студень домашний, и заливное из судака, и треска под маринадом, и селедочка под шубой, и салат оливье, и винегрет, огурцы соленые, помидоры, зелень и, конечно же, пироги.

О, пироги на этом домашнем, хлебосольном столе: румяные, пышные, с хрустящей корочкой, с потрясающими начинками — мясом, капустой, яблоками, морковью, грибами — были такие... *такие пироги...* что Катя Петровская, капитан милиции, криминальный обозреватель пресс-центра областного ГУВД, моментально забыла обо всех своих диетах, о всех клятвах самой себе — не переедать лишнего — и решила попробовать все. ВСЕ отведать на этом восхитительном и вкусном столе, похожем на скатерть-самобранку. Ибо в доме — праздник. А она... она безумно соскучилась по праздникам и по вот таким веселым, домашним, шумным застольям, где только друзья и хорошие знакомые.

— А теперь тост! — долговязый блондин в очках поднялся со своего стула. — У меня тост, прошу всех дорогих гостей выпить за...

Блондина звали Митя, фамилия его, кажется, Федченко. Но это Катя узнала уже здесь, в квартире в сталинском доме на площади Гагарина, куда — честное слово — попала совершенно неожиданно для себя.

Вроде и не собиралась в гости!

Этот день — четверг — был спортивным днем в Главке. Вообще со второй декады июля после целой серии громких дел, молва о которых до сих пор

еще не улеглась и будоражила умы, в работе наступило небольшое затишье. Начался отпускной сезон. Катя и сама подумывала о том, чтобы через пару недель отправиться в отпуск. Муж, Вадим Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне Драгоценным В.А., все еще находился за границей со своим работодателем, лечившимся в разных клиниках Европы. Катя уже как-то даже устала скучать. Ладно, перемелется... К тому же с начала лета на работе происходили такие события, что и подумать о чем-то личном некогда было. И вдруг бац! — и полный штиль. Пауза наступила...

ПАУЗА... пауза...

А тут еще и жара. Днем до тридцати, ночью душно, как в бане. Сотрудники Главка дружно писали рапорты на отпуск, в розыске все подернулось пылью и ленью, из происшествий сплошная рутина, ни одного стоящего убийства, чтобы делать репортаж для криминальной полосы.

И вот в четверг, когда столбик термометра уже к десяти часам утра дополз до 31 градуса, кому-то из министерского начальства пришла гениальная идея устроить на подмосковной тренировочной базе соревнования по профессиональному многоборью. А это кросс десять километров, эстафета-преследование, стрельба по мишеням и потом соревнования по самбо и боксу.

Министерские, естественно, лишь кликнули клич, состязаться в многоборье с Житной явились только отдельные представители, отдуваться, как всегда, пришлось областному Главку и Петровке, 38.

Катю, как криминального обозревателя пресскцентра, отрядили вместе с телевизионщиками освещать это эпохальное событие.

Кросс в десять километров по жаре, эстафета-преследование по пересеченной местности...

— А как вы думаете, они ж кадровые офицеры, как они будут в таких условиях особо опасного преступника брать? — В качестве комментария один из министерских (сам не бежавший кросс, а наблюдавший за соревнованиями как зритель из спасительной тени) выдал это Кате командирским тоном. — Ничего, ничего, подраспустились. Пора и жир согнать лишний с личного состава, тяжело в учении, легко в бою.

Уже на эстафете Катя обратила внимание на некоего капитана Белоручку, о нем то и дело объявляли по громкоговорителю: идет вторым, вот вырвался вперед. Но в суматохе нельзя было толком ничего понять, следовало ожидать финиша, а он где-то там, далеко — за леском, куда Катя, облюбовавшая себе место в тени рядом с судейскими, так и не добралась. Потом начались соревнования по стрельбе. И снова фамилия героического капитана Белоручки звучала во первых строках.

И это было чертовски досадно! Потому что, как узнала Катя, капитан Белоручка (ну и фамилия!) был с Петровки, а значит, являлся вредным конкурентом всех тех героев областного Главка — из ГИБДД, патрульно-постовой, из розыска и вневедомственной охраны, — которых Кате и предстояло славить на страницах ведомственной печати.

Однако и в стрельбе из табельного оружия вездесущий капитан с Петровки показал один из лучших результатов, и по сумме набранных очков в многоборье вышел в лидеры.

Катя своим репортерским чутьем поняла, что родной Главк с треском продувает соревнования. Черт, ехали в такую даль, в Павловский Посад, на

тренировочную базу и чтобы вот так бездарно проиграть Петровке... вечным соперникам...

Она спросила, на каком же таком поприще трудится славный капитан Белоручка?

И получила ответ — занимает должность инспектора по особо важным делам в МУРе, в отделе убийств.

Ага, ну, конечно... там ребята крутые сидят... Катя совсем расстроилась. А наши-то что же, родные, из Московской области? Где наши-то орлы? Вот сейчас соревнования начнутся по самбо и по боксу, неужели и тут уступят?!

Среди участников соревнований по самбо капитан Белоручка не числился. И область в этом виде спорта в грязь лицом не ударила.

Боксеры сначала тоже показали себя хорошо. Катя от души болела за своих, исписала целый блокнот, нащелкала снимков, охрипла от радостных воплей.

А потом в боксе объявили показательное выступление. От области на ринг выходил мастер спорта майор Жужалев из вневедомственной охраны — богатырь, а от Петровки — капитан уголовного розыска Белоручка.

Катя ожидала увидеть такого Голиафа. Поэтому сначала даже не обратила внимание на имя капитана, а когда осознала...

— На ринг приглашается капитан милиции Лиля Белоручка!

Лилия? Какая лилия?!

Вышел не Голиаф, явился Давид. Точнее, этакая крепко сбитая плечистая кубышечка — амазонка с короткой стрижкой «под мальчика», в синей майке, в черных спортивных шортах «Адидас» и в боксерских перчатках!

Катя уронила свой репортерский блокнот.

На мгновение потеряла дар речи. Оказывается, это девица выиграла у ее областных коллег кросс в тридцатиградусную жару и эстафету-преследование, это девица показала лучший результат в стрельбе и теперь вышла один на один против могучего майора Жужалева на ринг?

— Лиля, давай! — не помня себя от восторга, завопила Катя, пугая разомлевшего от жары представителя министерства. — Лиля, давай, жми! Покажи им всем! Покажи этим мужикам! Лиля, я за тебя!

Капитан Белоручка обернулась в сторону судейской трибуны, увидела Катю, размахивавшую сорванной с головы бейсболкой, и подняла руку в перчатке. Сделаю, что смогу, ты только болей за меня, подруга!

Странно, как порой люди становятся друзьями — достаточно одного взгляда, одного слова.

Гонг!

Впервые Катя болела не за своих, не за область, а за Петровку, 38.

Майор Жужалев по сравнению со своим противником выглядел настоящим великаном. Капитану Белоручке на голову надели шлем, сунули в рот загубник, затянули шнурки перчаток и...

Она подлетела, закружила вокруг майора, как злая оса. Град ударов — бац, бац, бац! Уклонилась, присела, снова уклонилась и... получила удар.

Кате стало плохо. Разозленный первой неудачей майор Жужалев пошел в наступление, тесня маленькую фигурку в угол, махая кулачищами...

— Они же в разной весовой категории, что это за бой? — затормошила Катя представителя министерства.

— А в профессиональных условиях весовые ка-

тегории часто бывают разные. Вы что, коллега, первый год служите, что ли? Когда на задержание выезжают, о равных условиях не вспоминают. На войне как на войне. Да вы за Лилию Ивановну не переживайте, она опытный боец, не в таких переделках бывала. Полгода на Кавказе служила в Ингушетии, в сводном отряде.

Бац! Среди града хаотичных ударов майор схлопотал неожиданный и болезненный прямой хук в челюсть. Замотал головой, пошел ва-банк и напоролся на целую серию ударов в корпус. Капитан Белоручка молотила его, как тренировочную «грушу» — удар, удар, удар...

Еще один удар в челюсть заставил майора Жужалева застыть посреди ринга, он не рухнул, но качался, как дуб, и... И его тренер бросил на ринг полотенце. Бой закончился. Не нокаутом, но поражением.

Капитана Белоручку сразу же окружили коллеги. Победа!

После вручения призов Катя подошла к ней. С букетом цветов, в спортивном «Адидасе», мокрая от пота и ужасно счастливая, она выглядела совсем пацанкой, стриженной пацанкой... Только вот эти взрослые складки у губ и лучистые морщинки, едва заметные, правда...

— Поздравляю вас, Лиля! — Катя была искренней в своей радости. — Задали вы им всем жару, и нашим тоже... Я Екатерина Петровская, работаю в пресс-центре, можно сделать с вами интервью?

— Да ты кричала звонче всех там, я только тебя и слышала, — Белоручка (она доходила высокой Кате до плеча) хлопнула ее по-свойски. — Ну, привет, будем знакомы. Сейчас девчонки подойдут, наши из секретариата и из информационного

центра, они со мной в эстафете бежали, если уж писать, то обо всех, не только обо мне.

Откуда-то налетело столько девиц! В спортивных костюмах, счастливые, хохочущие.

— Лилька, ну ты молодец, мы так за тебя переживали!

— Лилька, Митя звонил пять раз, у него там дома все готово, ждет с пирогами!

— Ждет с пирогами? Ага... дай-ка мобилу, — капитан Белоручка приклеилась к мобильнику. — Привет, солнце мое! Ну, конечно, как всегда, все в ажуре. Я кто у тебя? То-то... Первое место по количеству очков! Митька... ой, брось, только снова не начинай... Ну ты просто... ну ладно, я тоже тебя очень люблю! Все, едем, через час будем дома, встречай с шампанским!

Она взмахнула мобильником.

— Все ко мне обмывать победу... Девчонки, там «рафик» стоит, все садимся, а это... корреспондентка с Никитского переулка, областная, где? Катя! С нами поедешь! Немножко посидим, выпьем рюмашку... Там тебе твое интервью и готово будет на блюдечке!

Вот так нежданно-негаданно Катя и попала к капитану МУРа Лилии Белоручке домой в гости. Она и не подозревала, прологом к *каким событиям* станет этот веселый вечер с застольем в квартире на площади Гагарина, выходящей окном-эркером прямо на памятник.

— А теперь тост! — долговязый блондин в очках поднялся из-за стола. — Девочки, у меня тост, выпьем все вместе...

«Какой он милый, домашний, интеллигентный, — подумала Катя. — Однако с капитаном Белоручкой у них такая забавная чудная пара...»

— А это вот Митька мой, Митька, иди сюда, познакомься — это корреспондентка из нашей газеты Катя, статью про меня напишет, как я там на нашей милицейской олимпиаде зажигала! — В тесной прихожей, куда после долгого пути наконец-то прибыла вся шумная и многолюдная ватага, Лиля Белоручка подтолкнула к Кате этого самого молодого человека в очках.

Он был в домашнем переднике, с перекинутым через плечо кухонным полотенцем. В квартире аппетитно пахло жарким и сдобой.

— Здравствуйте, проходите, очень приятно — Дмитрий Федченко, — блондин протянул Кате руку. — Девочки, кому надо умыться с дороги — ванная прямо по коридору, сейчас будем за стол садиться. Лилечка... поди сама на кухню, глянь... к заливному я купил два вида хрена. А насчет пирогов меня твоя соседка тетя Маша консультировала, так что все вроде нормально.

— Слыхала? — Лиля уже свойски подмигнула Кате. — Хозяйственный мой Митька, тоже в статье про него можешь написать — я без него никуда, я без него, как без рук тут, дома, а готовит он как! Сейчас сама узнаешь, как он готовит. Напиши в статье — особенно пироги ему удаются.

За круглым столом Дмитрий Федченко оказался единственным мужчиной и тамадой, остальные все были женщины, как поняла Катя — коллеги капитана Белоручки по спортивной команде с Петровки, 38 — из самых разных служб.

Пока пили за победу на соревнованиях, за бой на ринге, за тренера, Катя успела узнать от соседки слева, что «Лилия с Митей скоро должны пожениться, а так вместе они уже почти год», что «парень положительный, не пьет, не курит, йогой занимается,

ради хорошей зарплаты теперь работает в фирме, делает все, абсолютно все по дому, потому что сама знаешь, какая у Лильки в уголовном розыске работа собачья».

— Девочки, у меня тост! — Дмитрий Федченко снова поднялся. — Выпьем же...

— За любовь! — закричали со всех сторон.

— Да, за любовь, за удачу, за такой вот тесный круг друзей, — Дмитрий снял очки. — И как сказал поэт: «Друзья, в сей день благословенный забвенью бросим суеты. Теки вино рекою пенной в честь Вакха, муз и красоты!»

Все начали чокаться бокалами с шампанским, а Дмитрий Федченко взял капитана Белоручку за руку... за ту самую руку, которая всего пару часов назад в боксерской перчатке так неистово и азартно молотила по своему противнику на ринге, и галантно поцеловал.

Растроганная Катя положила себя еще салата оливье, он казался ей очень вкусным, как и все на этом столе.

«Интересно, каким майонезом Митя салат заправляет? Оливковым или провансаль? Ну и парочка... хотя почему нет? Он такой забавный и Пушкина вон наизусть читает... А наши-то областные продули соревнования... Сколько в этой комнате игрушек... Наверное, все ее, капитанские... еще с детства... медведь какой смешной на пианино... Интересно, а как этот Митя пироги защипывает сверху, что они такими аккуратными треугольничками выходят и начинка не высыпается?»

Мыслей у Кати роилось много, но шампанское, что так и текло рекой за столом, мало-помалу делало свое дело. И скоро от всех мыслей осталась одна — маленькая, но емкая: как же тут хорошо...

Плюшевого медведя пересадили на диван, открыли пианино, и «к роялю» сел Дмитрий Федченко. Он лихо сбацал цыганочку, а потом «Подмосковные вечера», и все девчонки с Петровки, 38 — из секретариата, информационного центра, из штаба, из розыска и УБЭП, все, кто бежал эстафету и стрелял в тире за столичный Главк, запели. А после, конечно, спели «Орел степной, казак лихой» и «А я люблю женатого» и затем еще «Миллион алых роз» и «Мы едем, едем, едем в далекие края»...

Ночь, теплая июльская ночь опустилась на площадь Гагарина и на сияющий огнями Ленинский проспект.

— Кать, домой-то доедешь? — заботливо, однако слегка заплетающимся языком спросила капитан Белоручка, когда все уже сытые-пьяные, счастливые, охрипшие, усталые во втором часу двинули в прихожую.

— Я такси вызвала, — Катя жестикулировала мобильником, — Лиль, спасибо большое, ты просто молодец... Дала жару нашим... так им и надо, тоже мне мужики, опера, гренадеры... ты, Лиля, просто герой!

— Тихо, тихо, мы вас сейчас с Митькой проводим.

— Н-ни за что, там такси ждет. Спасибо за прекрасный вечер. Лиля, у меня твой телефон, я тебе позвоню, как статья будет готова. Митя, спасибо, приятно было познакомиться!

— Взаимно. Как сказал поэт: «Ребята, давайте жить дружно!»

В такси по дороге с площади Гагарина к родной Фрунзенской набережной Катя все вспоминала ринг. Гонг! Удар, еще удар... на ринге отчаянно дралась и боксировала ярая амазонка... Пирог

пались дождем с ночного неба, с пылу с жару...
Плюшевый медведь шурился умильно, махая пухлой лапкой... Тост за любовь!

Все хорошо...

Все отлично...

И ничто не предвещало беды...

Глава 4

БУЛЬВАРЫ

Если взглянуть на карту центра Москвы, то они заметны сразу, эти узкие зеленые ленточки — столичные бульвары.

Излюбленные места в городе коренных москвичей! Нигде, как здесь, разве еще только на Тверской улице или на рынке в спальном районе можно наблюдать за нравами, какие сценки порой разыгрываются на тенистых аллеях бульваров, какие персонажи столичной хроники бредут нога за ногу по бульварам — на рассвете, днем, на закате.

А вот по ночам...

Но об этом позже...

Самый демократичный из московских бульваров, конечно же, Чистопрудный. Летом — в полуденный зной и по вечерам публика гужется возле пруда. Молодые мамы с детьми — увы, детей что-то все меньше, меньше на бульварах... Молодежь, ну эта всегда всем довольна, даже тем, что особо некуда податься, когда пусто в кармане. Сидят на лавочках с бутылками пива парочки в обнимку. Джинсы, рваные на коленках, белые застиранные майки, вьетнамки на босу ногу, пестрые рюкзаки в стиле этно — смех, смех, поцелуи взасос... Молодость на бульварах, в гостиницу бы податься, но там такие

цены, сразу о любви забудешь. Так, на пиво есть пока, хватает, а там заработаем — хотя кто знает теперь, заработаем ли...

Вон алкаши под липой на скамейке в холодочке — тем вообще все до фени. Но нет, что-то жарко обсуждают. Ага, почему водка станет. Говорят, опять указ вышел или Дума постановила... мол, «дешевле восьмидесяти рублей — ни-ни». А брали раньше и по сорок, и по тридцать... Мишка Хромой, правда, с такой водки дураком стал... А Култыгина сразу в Боткинскую увезли, помер там, не приходя в сознание. Но это дело житейское, все там будем. А водка-то была по тридцать, а теперь дешевле восьмидесяти и не жди, не надейся...

У афиши театра «Современник», смотрящего фасадом на Чистые пруды, пенсионерки что-то старательно переписывают себе в блокнотики. Ага, поклонницы таланта. Театр состарился, и они, зрители, вместе с ним, но все равно пишут, фиксируют — репертуар на сентябрь, вывесили уже. Хотя театр этим летом здесь и радует зрителей, иди вон в кассу, бери билет, и не надо в очереди всю ночь стоять. Но старушки только вздыхают, вспоминают молодость, как стояли еще там, на Маяковке, возле старого здания театра, а потом и тут тоже, на Чистых прудах. И как потом Ефремов ушел во МХАТ... А теперь вот афиша, и билетов полно, боже ж ты мой, как бежит время...

Как оно мчится на столичных бульварах...

И одновременно стоит на месте...

А по ночам... но об этом опять же чуть погодя...

У ресторана «Ностальжи» припаркован чей-то синий «Порше» с открытым верхом, трамвай номер 39 штурмует толпа, хлынувшая от метро, брон-

зовый памятник Грибоедову смотрит вперед, в сторону Рождественского и Трубной.

А дальше — Петровский бульвар, его что-то все роют, роют, копают, золото, что ли, там ищут, клады — зимой начали, летом все никак не кончат, и гулять там никто не гуляет по аллеям, потому что мало радости гулять среди канализационных труб и ям.

На Страстном все спешат к Пушкинской, к Тверской, никто и по сторонам-то не смотрит.

И только воробьи на горячем асфальте...

Порх! И взметнулись веселой стайкой...

Сели на гигантский рекламный щит дома, что на углу Пушкинской. Все воробьям видно сверху, людишки, как блохи, снуют, машины, машины, машины...

Говорят, и тут будут «подземку» копать, как и на Манежной...

Ну, тогда и смерть нам всем, воробьям, центр наглухо встанет.

А мы улетим, мы улетим, откочуем — есть ведь другие города и страны — Париж, Рим, например... Слышали, что в Риме-то произошло? Не слышали? А мы все равно туда улетим.

Это людишкам там внизу колупаться придется, пусть и колупаются. А мы свободные птицы, воробьи...

В ресторане «Пушкин» обедают. Сколько черных машин около ресторана. И напротив, в «Макдоналдсе», тоже обедают. Полна коробочка там и вечный жареный картофель и соус сырный...

По Тверскому бульвару вниз, к Старому Арбату, что никогда не спит. И бронзовый Пушкин, как и бронзовый Грибоедов, взглядом провожает...

На Тверском бульваре и на Старом Арбате по

вечерам что-то много пьянчуг. На Арбате летние кафе, пивные — это понятно. Но что же это спать-то многие с Арбата идут сюда, на Тверской, на скамейки?

Милиция, конечно, столичная бдит... Но их вон, милицию-то, по телику в блин сейчас размазывают, мол, такие-сякие, взяточники, мздоимцы. Хотя какая с нищего алкаша мзда? Но, может, он лишь притворяется нищим, у него это бизнес такой уличный — клянчить, а у самого особняк в Жуковке?

Ох, кто поймет столичную жизнь? Люди не понимают, куда уж воробьям разобраться. Сели себе на ветку и чирикают... на голову прохожим гадят, озорничают, безобразники.

А по ночам...

Нет, это не на Тверском, это дальше...

Снова вниз, вниз, все дальше по аллеям, мимо Арбата, мимо Большой Никитской — на Гоголевский бульвар.

Место тихое, место славное. Пьянчуг почти нет, что им тут делать, вдоль бульвара цепь уютнейших магазинчиков, бутиков модной одежды. Вон там был магазин цветочный «Царство Флоры» — его закрыли, потому что с ним связана одна темная кровавая история¹... Но тогда всех поймали, посадили, в общем, не так уж и давно дело было...

На Арбате вот совсем недавно история приключилась со стрельбой, город от слухов едва не распух, но тоже вроде как-то все²... Лишь круги, круги по воде... По Москве-реке...

¹ Подробно об этом читайте в романе Т. Степановой «Царство Флоры», издательство «Эксмо».

² Подробно об этом читайте в романе Т. Степановой «Три богини судьбы», издательство «Эксмо».

А Гоголевский бульвар, он какой-то особый. Вон на той стороне французское кафе «Жак», и там вечно битком набито в тесном зальчике за столиками, и на скатертях можно рисовать, потому что бумажные. И курить можно, и вообще — маленький Париж, Большие бульвары.

Популярности кафе бешено завидуют все фешенебельные заведения общепита, расположенные на Гоголевском. Особенно зло и остро завидуют в ресторане «Беллецца», что по-итальянски «красавица» означает. «Беллецца» занимает весь первый этаж роскошного старинного особняка, что на углу бульвара и Колымажного переулка. Рекламировали, позиционировали ресторан, как VIP, но то ли денег пожалели, то ли сразу баллов недобрали в столичном кулинарном рейтинге. Короче говоря, вложили много, а «отбили» мало. И это несмотря на хорошего шеф-повара (не итальянец, русский дядя Ваня, но всю жизнь проработал сначала в советском, потом в российском посольстве в Риме), несмотря на помпезный дизайн зала, бархатные диваны и кресла, хрустальные люстры и живую музыку по вечерам. Собственный маленький оркестрик, где подрабатывают музыканты из консерватории, до которой рукой подать, — на Никитской. Музыка всегда хорошая, проверенный репертуар на средний возраст — классика, танго, венские вальсы, а посетителей мало. То ли планида такая коммерческая — не в масть... то ли еще что-то...

На той стороне бульвара, на Сивцевом Вражке, окопалась целая орда конкурентов. Кафешки, все кафешки, туда только молодежь ходит, бельгийская пивнушка в подвале, там тоже всегда весело, китайский ресторанчик, скромно спрятавшийся в арке. Там цены, там веселье, особенно в пятницу

вечером и в субботу — до самого закрытия. А чуть дальше, в Чертольском переулке, ночной клуб «Яма», куда, кажется, вообще никого не пускают, кроме каких-то уж совсем загадочных личностей, подруливающих к бронированным дверям на таких крутых тачках...

На углу Сивцева Вражка и бульвара — небольшой особнячок, отреставрированный, нарядный. Театр-кабаре, афиши дорогие, кричащие — «Трагикомическая артель», «Следите за репертуаром!».

Июльский полдень, тишина, сразу видно, что «Трагикомическая артель» готовится к новому сезону, труппа где-то на «чесе» в нефтегазодобывающем Ханты-Мансийске, касса закрыта, в фойе у мраморной лестницы с новыми золотыми перилами гудит пылесос. И тут же в дверях крепкий, осанистый, еще не старый, хотя и седовласый мужчина в черном костюме, при галстукe неторопливо раскуривает сигарету, смотрит на улицу, словно прикидывая — выходить ли на солнцепек или же чуток обождать.

— Сан Саныч!

— Вас слушаю.

— Хорошо, что я вас застал. Сегодня после обеда пожарная инспекция придет, так уж вы покажите им все, ладно? Все, что мы сделали за эти три недели, все точно, как и было нам указано. Я бы сам с ними разобрался, да не могу, времени нет, в аэропорт Домодедово спешу, Говорунова встречать.

— Не беспокойтесь, Константин Петрович, все будет нормально. Сумеем договориться. Я этих «тушил» как облупленных знаю.

Осанистый мужчина в черном костюме, Александр Александрович Колобердяев, — не актер, не худрук, но личность в «Трагикомической артели»

уважаемая — отличный завхоз, мастер на все руки: в случае чего и за электрика, и за слесаря, и за сантехника, и за шофера, а порой и по ночам еще подрабатывает охранником. Правая рука исполнительного директора артели Константина Петровича Мартова.

Мартов, в тертых джинсах, в белой рубашке, на шее золотая цепочка болтается, промокает вспотевшее лицо бумажной салфеткой.

— Жара какая.

— Завтра, говорят, еще жарче будет, я прогноз слышал. Но обещали грозу. — Колобердяев почтительно, следуя на полшага сзади, провожает Мартова до дверей театра, наблюдает, как тот садится в свою машину.

— Грозу? Вот черт! Еще рейс отложат.

— Так то ночью. Ну, счастливого пути, привет Говорунову.

Выправка у Сан Саныча Колобердяева почти военная, хотя служил он в армии очень давно, срочную. И было это... дай бог памяти, сколько же лет назад? Жизнь за шестой десяток круто перевалила, но по-прежнему в строю, по-прежнему работает, жить-то на что-то надо, не на пенсию же сквалыжную... Ну, конечно. Это не то, что прежде было...

Эх, вот раньше как работали! Колобердяев снимает пиджак и перекидывает его через руку. Как, помнится, ждали нового посла в Риме, он, Колобердяев, его встречал на машине в римском аэропорту вместе с секретарями, помощниками, атташе, короче говоря, со всем штатом посольства. Ну и что, что простым водителем, он тогда, в 82-м, в нашем посольстве в Италии тоже пять или семь должностей совмещал — и все по хозяйственной

части. Молодой был, энергия через край ключом была.

А теперь вот пенсионер, эхе-хе... И эта вот артель, актеришки, правда, тут есть и эти, как их там — звезды нынешние, что по сериалам мелькают. Антреприза... Это все Мартов Константин своими стараниями, своей жилкой коммерческой сумел сколотить, создать, артель-то прибыль дает, и немалую, в театральный сезон своим хозяевам...

Но прежде-то, прежде... в Риме, в посольстве, ох и жизнь была, высокая жизнь, со смыслом... Кто это на себе прочувствовал, тот знает, подтвердит. Вон шеф-повар, например, Шуляк в ресторане «Беллецца», что на той стороне бульвара. Кому Иван Германович, а нам он так просто Ваня... В нашем посольстве в Риме пятнадцать лет на кухне у плиты простоял, теперь вот в ресторане... А кто устроил его туда — он, Колобердяев...

Пойти, что ли, сходить туда, на этот, как его... бизнес-ланч? До пожарников еще далеко, они после обеда нагрянут. Ресторан с двенадцати открыт, но считай что до пяти там вообще никого никогда, залы пустуют. А Ваня-повар вкусы его знает, несмотря на всю свою эту итальянскую кулинарию — макароны там да феттучинни, — рюмочку водки ледяной всегда нальет, пирожками угостит с мясом да супчику, бульончику с потрошками, с корешками...

В такую жару?!

А там и пиво найдется из холодильника. И все за Ванин щедрый счет, в благодарность ему, Колобердяеву, за место.

В сумрачном зале «Беллеццы» работали мощные кондиционеры. Ресторан только открылся. Официанты — немолодые уже, в основном пере-

шедшие сюда из «Праги», — откровенно скучали, потому как посетителей, кроме Колобердяева, не было никого.

В углу у рояля собирался на репетицию оркестр — скрипка, виолончель, мандолина. Музыканты Колобердяеву все знакомые, все таким способом подрабатывали, поправляли бюджет. Особо Колобердяев выделял виолончелистку Юлию Аркадьевну.

Привстал из-за столика, поклонился. Царственная женщина, телесами богатая. Сейчас-то вон на репетицию пришла в пестром сарафане, открывающем полные плечи, а как вечером наденет черное платье, поднакрасится, то...

На артистку Наталью Крачковскую похожа, у той, говорят, поклонников было — не счесть. А у Юлии Аркадьевны что-то нету поклонников, даром вес у нее аппетитный — за сто килограммов, есть за что подержаться, а ухажеров нет, ну возраст, конечно, возраст уже не тот, солидный возраст...

И как она ловко, несмотря на все жиры свои, с этой самой виолончелью управляется. Как заиграет, как заиграет... Ну, без мужа живет, зарабатывать надо самой, а на уроках музыки капитала не наживешь.

— Доброго здоровья, Юлия Аркадьевна!

— И вам того же, Сан Саныч.

К столику подошел повар Шуляк. Колобердяев, ободренный приветствием дамы, встретил его благодушно.

— Как жизнь, Ваня?

— Как зебра... Как обычно, Сан Саныч?

— Нет, жарко сегодня. Пива принеси холодного ну и закусь что-нибудь легкого...

Через пять минут повар — сам Колобердяева обслуживал — вернулся с бокалом светлого пива, с

тарелочкой с копченостями и своими фирменными неитальянскими пирожками.

Поговорили, вспомнили былое, как работали в «загранке», да что это значило тогда — работать в «загранке» — в восьмидесятых-то годах. Как нового, назначенного посла встречали всем посольским штатом. Колобердяев вздохнул — было время, послов встречали, а теперь вон Костыка Мартов, шеф, тридцатилетний выжига, другого выжигу театрального, Говорунова, в аэропорту встречает. Тот с деньгами возвращается артельными, что за «чес» артисты на Севере заработали. На Северах-то этих вахтовый метод на буровых, на нефтяных, от тоски мужики там сатанеют. А тут артель артистическая им что-нибудь вроде мюзикла-бурлеска привезет с раздеванием, шоу по типу парижского кабаре с Бульваров.

Музыканты начали репетицию, и у Колобердяева тут же голова заболела. И даже полная Юлия Аркадьевна показалась не такой уж соблазнительной, а просто толстой, заплывшей жиром.

Охо-хо... А день такой длинный впереди, еще и эта чертова пожарная инспекция...

Инспекция нагрнула в три часа. И до самого вечера у Колобердяева не было свободной минуты. Все, все обошли и проверили. И зрительный зал, и гримерные, и все подсобные помещения, и постановочный цех, и в подвал спускались, и на чердак лазили, и сигнализацию по сто раз включали.

Потребовались недюжинные дипломатические навыки, настойчивость, мужество, если хотите, чтобы устоять под таким напором, не сдаться.

В восемь часов измочаленный Колобердяев проводил инспекторов. В десять ушли все, кто работал в здании. И Колобердяев — а это был как раз

вечер его суточного дежурства уже в качестве охранника — запер двери. Достал из холодильника жареную курицу и бутылку водки. Это вам не бизнес-ланч фиговый, это вам русский ужин холостого человека. Водка...

Жена Агнесса никогда этого не понимала, потому и ушла, бросила... Водка... Когда в посольстве-то работал, конечно, не так пил, тогда боя-я-а-ались... А сейчас, сейчас никто ничего не боится, всем до лампы, до фонаря.

По телевизору показывали новости. Потом пошел фильм какой-то американский. И Колобердяев заснул в кожаном кресле. Он спал. И проснулся...

Показалось, что его разбудил телефон, зазвонивший где-то там — в темноте пустого здания. Но нет, кому звонить в такую пору? Это в телевизоре, наверное...

Фильм по Первому каналу еще шел, а за окном... За окном так полыхнуло!

Гроза. Ну, обещали ж синоптики. В открытую форточку врывался упругий ветер.

В комнате стояла спертая духота и витал водочно-чесночный дух. Надо бы устроить проветрион. А то утром люди придут, неудобно.

Колобердяев встал, открыл окно настежь, а сам пошел в фойе. Что там с погодой на улице?

Сквозь стеклянные двери он увидел, как снова полыхнула молния. Синий мертвенный свет словно испортил привычную палитру — фонари, темные кроны деревьев там, на бульварной аллее. Сколько времени? Без малого три? Ни машин на Гоголевском, ни прохожих.

Колобердяев хотел было уж отойти от дверей,

как вдруг что-то показалось ему... Там, на бульваре напротив... *что это?*

Он толкнул дверь и... Он готов был поклясться, что сам лично запер все перед тем, как уединиться с бутылкой в кабинете. А теперь дверь открылась, будто приглашая его выйти наружу.

А там, на бульваре...

Опять полыхнула молния, и где-то еще далеко прогремело. Темные окна домов, темная аллея, и там... Что там?

Колобердяев вышел на улицу — без пиджака, шагнул на проезжую часть, где не было машин. Первые капли дождя ударили его по лицу — больно, но он этого даже не заметил.

Глава 5

ЮЛИЯ АРКАДЬЕВНА

Дама, которой так откровенно и одновременно исподволь интересовался завхоз Колобердяев — Юлия Аркадьевна Кадош, едва только в репетиции оркестра настал перерыв, тут же выхватила из сумки пачку бумажных салфеток, косметичку и мобильный телефон.

Салфетками она тщательно протерла гриф свой виолончели, отложила ее в сторону и начала сосредоточенно подправлять расплывшийся от жары макияж. Достала подводку, навела заново жирные черные стрелки в уголках глаз, густо напудрилась и накрасила губы, взбила пальцами темные волосы. К счастью, в салон к парикмахеру еще не пора, а то опять расходы. Правда, если вы жена какого-нибудь толстосума или чиновника, косметические салоны в ваши пятьдесят восемь без малого — это как

раз то место, где вам и надлежит проводить большую часть досуга. Но если вы работающая одинокая женщина, если пашете как лошадь — ведете класс в консерватории, ездите по частным урокам, да еще играете по ночам в таком вот оркестре в этом чертовом итальянском кабаке на бульваре, то... То все эти радости жизни — качественный пилинг, массаж, «уколы красоты» и прочее — не слишком-то доступны по причине своей дороговизны.

Пудрясь, она то и дело нервно поглядывала на телефон — в эти часы ей обычно звонила из Кишинева вся ее многочисленная и теперь такая далекая молдавская родня: сестра София, племянница Марика и тетя Марта. Когда-то — давно — молдавская родня навещала ее в Москве часто, чуть ли не по три раза в год. Но, увы, времена изменились. И остались лишь телефонные пересуды.

Юлия Аркадьевна Кадош — с виду такая живая, полная, цветущая и жизнерадостная женщина, трудившаяся без устали, виолончель которой пела порой так призывно и страстно, была на деле серьезно больна. Диабет... С тех пор, как в прошлом году она лежала в коме, а потом два месяца провела в больнице, телефонные переговоры с Кишиневом стали почти ежедневным ритуалом. И не только потому, что молдавские родственники беспокоились о ее здоровье, а и оттого, что их всех безумно интересовал вопрос, кому *в случае чего* — ну вы понимаете, все под богом ходим, а диабетика особенно — достанется квартира в Большом Афанасьевском переулке, в самом центре Москвы, до которой от бульвара и от ресторана «Беллецца», и от консерватории было рукой подать — пятнадцать минут пешком.

Квартира для одинокой и не густо зарабатывавшей Юлии Аркадьевны просто царская — четырехкомнатная, с двумя туалетами, с просторным холлом, в кирпичной башне, где доживали свой век бывшие совпарработники. Семейство Юлии Аркадьевны перебралось в Москву из Кишинева через Днепропетровск еще в начале шестидесятых, ее отец был руководителем знаменитого в то время на весь Союз молдавского ансамбля песни и пляски, без участия которого в оные времена не обходился ни один кремлевский концерт. Отца Юлии Аркадьевны лично знали и любили Брежнев и министр МВД Щелоков.

В то время... Но об этом Юлия Аркадьевна вспоминала с тоской. Да, и мы тоже жили когда-то, и быт казался сказкой, но вот подкатила вторая половина жизни и — ничего, только труд, труд, только болезнь, немощь, только страх...

И сын не помощник... Негодяй...

До репетиции в ресторане «Беллецца» Юлия Аркадьевна успела зайти на очередную консультацию к нотариусу в офис на Знаменке. Крася губы, ожидая традиционного звонка из Кишинева от племянницы Марики, она прокручивала в памяти этот разговор.

— Ну и что же вы решили?

— Ох, не знаю, я в таком сомнении.

Нотариус — молоденькая бойкая девица. И, возможно, поэтому Юлия Аркадьевна, ставшая с некоторых пор крайне мнительной, не доверяла ей ни на грош.

— Ну, вариантов много, как распорядиться квартирой.

— Я понимаю. Я тут знакома с предложением фирм о пожизненной ренте, ну когда... ну ес-

ли я подпишу им квартиру, а они будут платить. Но это же чужие, а кругом сплошной обман...

— У вас же есть родственники.

— Спят и видят, как переехать сюда, в Москву, только и ждут смерти моей. Каждый день вон звонят, узнают — не сдохла ли еще, — Юлия Аркадьевна там, в кабинете нотариуса, говорила о своей кишиневской родне почти с ненавистью.

— Вы хотели составить завещание в пользу вашей двоюродной сестры из Кишинева или племянницы, насколько я помню, — нотариус вела разговор с ангельским терпением.

— Да, хотела... а сейчас не знаю, сомневаюсь. Мне нужен уход, средства на лечение, а от них разве дождешься? И хоронить-то не приедут, если что... М-да, не хочется об этом думать, а приходится. — И Юлия Аркадьевна там, в кабинете нотариуса, в который уж раз начинала рассказывать о том, как лежала в коме.

— Да, конечно, это ваши дальние родственники. Но, насколько я знаю, у вас есть сын.

— У меня нет сына.

— Ваш приемный сын — Савелий Кадош.

— Кадош — это наша фамилия, это мой отец, его дед приемный, дал ему эту фамилию, — Юлия Аркадьевна поджала губы. — Какая дура я была тогда... господи, такая дура, я так хотела ребенка, а из-за этого проклятого диабета... врачи сказали, что... в общем, я испугалась, а надо было своего рожать, а не брать этого... неизвестно кем и от кого прижитого, от черта, от дьявола... Представляете, я до сих пор помню тот день в августе, когда мы приехали в детский дом — я, мама, отец... Мои родители, они на все были согласны — хочешь усыновить приемного, усыновляй. Я хотела совсем малыша, а этот... ему тогда было уже девять, он вышел

в коридор, и, пока мы шли... он смотрел на нас, на меня, и я... Он был такой хорошенький, темново-
лосый... как ангелочек, и я... Господи боже, что я
наделала, зачем, зачем я сказала им всем, что хочу
взять именно этого мальчишку!

— Успокойтесь, я понимаю, бывают конфлик-
ты, в семье все бывает. — Нотариус налила Юлии
Аркадьевне воды в стакан. — Между родными бы-
вают конфликты, что уж о приемных детях гово-
рить... Но вы прожили столько лет вместе, вы его
вырастили, он фактически ваш сын. И, насколько
я знаю, он сейчас весьма обеспеченный человек...
И в конце концов, по закону именно он ваш пря-
мой наследник, и часть вашей квартиры принадле-
жит ему по факту.

— Это меня и убивает, — Юлия Аркадьевна
всплеснула полными руками. — Именно из-за этого
я и покоя себе не нахожу — что после моей кончи-
ны все достанется этому негодяю, этому подонку...

— Вы давно не общаетесь с сыном?

— Много лет. Но он иногда появляется, прове-
ряет — жива ли я... Когда-нибудь ему надоест ждать
и он... он либо сам меня прикончит, либо найдет
кого-то среди этих своих... я даже не знаю, как их
именовать...

— Простите, я не понимаю, — нотариус пожала
плечами. — Он что, дурно к вам относился? Что он
такого ужасного сделал?

— Понимаете, есть вещи за гранью. О них даже
говорить нельзя. Страшно о таких вещах говорить.

— Извините, мне непонятно. Он что, пытался
убить вас, свою приемную мать? Недостойно вел
себя? Ваш сын Савва Кадош, я наводила справки,
он обеспеченный человек, много чего имеет, ка-
жется, клубом ночным владеет. Так?

— Вы лучше спросите, кто им владеет.